

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Проскурякова М.А. Реализация государственной политики в колхозах и политотделах МТС приангарской деревни в первой половине 1930 гг. // Genesis: исторические исследования. 2024. № 10. DOI: 10.25136/2409-868X.2024.10.69003 EDN: CZOMMK URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69003

Реализация государственной политики в колхозах и политотделах МТС приангарской деревни в первой половине 1930 гг.

Проскурякова Мария Анатольевна

ORCID: 0000-0002-4121-6911

аспирант, кафедра истории и методики, Иркутский государственный университет
669516, Россия, Иркутская область, село Тугулуй, ул. Заречная, 22 А, оф. 669516

✉ andreasha1205@mail.ru

[Статья из рубрики "История отдельных регионов России"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2024.10.69003

EDN:

CZOMMK

Дата направления статьи в редакцию:

16-11-2023

Аннотация: Рассмотрена специфика реализации государственной политики в приангарской деревне в 1930-1935 гг. Анализируется социально-политическое влияние колхозов и политотделов МТС на крестьянство. Территориальные рамки исследования ограничены Приангарьем (современные границы Иркутской области). Выбор хронологических рамок можно объяснить проходившей в этот период форсированной коллективизацией. Именно в первой половине 1930-х гг. произошла кардинальная трансформация аграрной сферы Приангарья. К 1935 г. большая часть крестьянских дворов была коллективизирована. Колхозы стали главным проводником социально-политических изменений, а также основной организацией контроля над экономической стороной жизни деревни. Особое внимание уделяется роли политотделов МТС в сельскохозяйственной сфере в 1933-1934 гг. Наконец, привлекаются архивные источники, иллюстрирующие отрицательное общественное мнение относительно коллективизации, как системы преобразований в приангарской деревне. Историко-сравнительный метод позволил соотнести социально-политические изменения на разных

временных отрезках, а также сравнить ожидания властей и социальные реалии деревни. Воссоздать целостную картину отражения политических изменений в колхозах и политотделах МТС Приангарья позволил историко-системный метод. Новизна исследования заключается в привлечении неопубликованных архивных материалов, раскрывающих особенности реализации государственной политики по отношению к крестьянству. Исследование показало, что ожидания властей завершить коллективизацию к началу 1932 г. в таких зерновых районах, как Сибирь, не оправдались. Численность колхозов в Восточной Сибири росла в начале 1930-х гг., но в 1934 г. произошел обратный процесс – количество колхозов стало меньше, чем в 1931 г. В Приангарье можно говорить о завершении коллективизации не ранее, чем в 1936 г. (коллективизировано 94% дворов). В колхозах реализовывалась преимущественно экономическая политика: руководство колхозов жестко контролировало дисциплину, выполнение плана посевной, уборочной кампаний, хлебосдачи. Политотделы МТС отвечали за контроль над идеологической, политической и экономической сторонами жизни колхозов. Мнения крестьян, представленные в статье, выражают недовольства колхозной системой, хлебозаготовительными кампаниями, условиями труда в колхозах.

Ключевые слова:

коллективизация, колхозы, политотделы, государственная политика, крестьяне, деревня, сельское хозяйство, Восточно-Сибирский край, Приангарье, машинно-тракторные станции

Реализация государственной политики в советской деревне кардинально изменила как социальную сущность, так и хозяйственный уклад крестьянства. Этот процесс имел некоторые региональные особенности, которые можно проследить на территории Приангарья. В Постановлении Политбюро ЦК ВКП(б), принятом 5 января 1930 г. «О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству» планировалось завершить коллективизацию в Сибири, осенью 1931 – весной 1932 г. Там же предписывалось переустройство машинно-тракторных станций на основе договоров с колхозами и обязательства крестьян погасить стоимость МТС в течение 3-х лет [1, с. 85-86].

Число колхозов в сельской местности Восточно-Сибирского края в период коллективизации выросло с 4700 в 1931 г. до 5100 в 1933 г. [2, с. 160], однако, уже в 1934 г. сократилось в до 4475 [2, с. 318]. Количество МТС в Восточно-Сибирском крае значительно увеличилось: с 11 в 1931, до 72 в 1934 г. [2, с. 312]. В Приангарье в середине 1930-х наблюдалась тенденция к уменьшению числа колхозов: если в 1935 их было 1907, то в 1936 г. осталось 1874. Общее снижение количества колхозов было связано с их укрупнением, что прослеживается на сумме коллективизированных дворов, которая увеличилась с 106,6 в 1935 г. до 112,6 в 1936; на один колхоз, соответственно: 56 и 60 дворов. Также вырос уровень коллективизации дворов с 83% в 1935 г. до 94% в 1936, в то же время к 1936 г. было коллективизировано 100% посевов на территории современной Иркутской области. Количество МТС в Приангарье стабильно росло: с 50 в 1935 г. до 67 в 1936 г. Однако, машинно-тракторные станции могли обслуживать не более половины всех колхозов: 718 в 1935 г. и 920 в 1936 г. [3, с. 68].

Колхозы с начала 1930 гг. стали основой, на которой строилась социалистическая жизнь, менялась психология людей. Они являлись школой общественно-политической

деятельности и совершенствования демократии. В Приангарье для активизации вступления в колхозы были созданы инициативные группы («красные сваты»), которые проводили многочисленные собрания, слеты, агитации, индивидуальные беседы среди единоличников [\[4, с. 565\]](#).

План хлебозаготовок по Восточно-Сибирскому краю в 1930 г. был утвержден в размере 32000000 пудов. Хлебозаготовки распределялись по секторам: совхозный, колхозный, индивидуальный, контрактантам и «кулакам». Было дано твердое задание каждому зажиточному хозяйству обеспечить полную сдачу хлеба. Для досрочного выполнения плана между отдельными хозяйствами были организованы соревнования [\[5, л. 19\]](#). Срок сдачи хлеба колхозами планировалось закончить к 7 ноября, зажиточным – к 1 декабря. Сроки выполнения были дифференцированными, учитывая своеобразие районов края [\[6, л. 18\]](#).

Власти Восточно-Сибирского края определили основные задачи коллективизации перед колхозами в 1931 г.: дисциплинированное выполнение плана хлебозаготовок, помочь в выполнении плана единоличникам, выполнение всех обязательств перед государством и отчисление в установленные уставом фонды. Только после этого можно было решать такие колхозные проблемы, как оплата труда и задержки в распределении доходов [\[7, л. 301\]](#).

Весной 1931 г. успешно прошли посевную кампанию следующие районы Приангарья: Зиминский, Балаганский, Усольский, Слюдянский, которые выполнили выше 100% плана; выполнили от 82 до 97% плана: Черемховский, Заларинский, Усть-Удинский, Иркутский районы; сорвали план: (от 62 %) Куйтунский, Тулунский, Качугский районы [\[8, л. 97\]](#).

Перед посевной кампанией 1932 г. были поставлены следующие задачи: провести посевную вовремя и закончить раньше, чем в прошлом году, обеспечить колхозы и совхозы семенами. Край должен был посеять в 1932 г. 2050 тыс. гектар, в том числе 1706 тыс. гектар зерновых; союзные тресты - 200 тыс. гектар. Успешный сев в Восточной Сибири, по словам властей, имел не только продовольственное, но и оборонное значение [\[9, л. 216\]](#). Районы Приангарья, выполнившие годовой план на 29 февраля 1932 г.: Киренский, Зиминский, Куйтунский, Нижне-Удинский, Заларинский, Качугский, Братский, Жигаловский, Черемховский. Не выполнили план: Усольский, Балаганский, Иркутский, Тайшетский [\[10, л. 126, 128\]](#).

25 октября 1934 г. хлебозаготовки были выполнены полностью, на 2 месяца раньше прошлого года. Колхозы были обеспечены семенами и хлебоффуражом, полностью выполнен план озимого сева и силосования кормов (так, силюса заготовили в 2 раза больше, чем в прошлом году) [\[11, с. 226\]](#).

Власти Приангарья контролировали внутренний уклад колхозов административными распоряжениями: «Председатели колхозов должны создавать железную дисциплину в колхозах, пресекая малейшие попытки нарушения трудовой дисциплины, не ослабляя массовой работы среди колхозников, не останавливаясь перед применением мер воздействия (штрафам, исключением из колхозов), к злостно срывающим уборку, не выполняющим условий по качеству уборки, опаздывающим и пропускающим работу колхозникам и колхозницам, не выполняющим указаний тов. Разумова о работе от темна до темна и о полуторной и двойной выработке при высоком качестве уборки. Питание

организовать так, чтобы иметь один котел, в котором будет вариться обед из мясомолочных продуктов – эти обеды давать перевыполняющим нормы и имеющим высокое качество уборки, а второй котел для всех остальных, дающих неудовлетворительные количественные и качественные показатели» [\[12, л. 11\]](#).

Колхозы в деревне представляли собой основное социально-экономическое объединение крестьянства, созданное властью для реализации государственной политики во всех областях жизни. В отличие от колхозов, машинно-тракторные станции являлись организациями, представляющими интересы рабочего класса в сельском хозяйстве.

Широкое внедрение в аграрную сферу МТС началось еще в 1929 г., после постановления Совета труда и обороны «Об организации машинно-тракторных станций». По сравнению с колхозниками, положение работников МТС было более привилегированным, определенным постановлением ЦК и СНК от 13 января 1933 года. Так, оплата трактористов и комбайнеров МТС предусматривала гарантированный минимум. Несмотря на это, со стороны колхозов поступали жалобы на некачественную работу МТС, поборы с колхозов тракторных станций и др. Работники МТС, в свою очередь, были недовольны невыполнением колхозами своих обязательств, несвоевременные выплаты, поломки техники, плохим питанием. Машинно-тракторные станции сталкивались с проблемами отсутствия помещений, слабой ремонтной базы, огромной текучести кадров, нехватки бензина, плохом состоянии общежития для механизаторов МТС и др. [\[13, с. 251\]](#).

В январе 1933 г. на объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП (б) И. В. Сталин заявил о необходимости создания политотделов с хозяйственными, политическими и карательными полномочиями во всех МТС и совхозах. Политотделы состояли из 6 человек в лице начальника политотдела (который одновременно был заместителем директора МТС), двух заместителей по партийно-массовой работе (один из них отвечал за работу по ОГПУ), помощника по комсомольской работе, по работе среди женщин и редактора многотиражной газеты [\[14, с. 77-79\]](#). Работники политотделов имели привилегии в продовольственном снабжении, по сравнению с колхозниками.

Политотделы, по мнению А. С. Шевлякова, должны были подавить сопротивление крестьян, утвердить колхозный строй в деревне, подчинить крестьян поле партии. Они были рычагом для преодоления хозяйственно-организационных проблем сельского хозяйства, для борьбы с недовольством методами коллективизации. Кроме того, политотделы выполняли партийную и государственную функции для руководства всеми сторонами жизни деревни (Шевляков А.С. Политотделы МТС и совхозов Сибири (1930-1940 гг.). автореф. докт. дисс. Томск. 2001. С. 34-35).

В протоколе совещаний работы политотдела Голуметской МТС от 1 марта 1934 г., отмечается обострение «классовой борьбы» в текущей посевной кампании. Классовые враги, к которым причисляли зажиточных крестьян («кулаков»), как уверенно предполагали работники политотдела, будут помешать севу. Именно поэтому культурно-массовую и политическую работу предписывалось сосредоточить непосредственно в производственной бригаде [\[15, л. 3, об.1\]](#). По протоколу от 13 марта можно проследить мероприятия политотдела перед началом посевной кампании: заключение договоров с колхозами, их проверка на наличие кулачества, проведение в колхозах чистки. Вопросам хозяйственного характера также уделялось большое внимание, однако первостепенными задачами политотделов было идеологическое укрепление колхозов [\[15,](#)

[л. 5, о6\].](#)

В Приангарье Политотделы осуществляли контроль за работой изб-читален, красных уголков и ликбеза, проводили слеты селькоров и членов редколлегий стенгазет, созывали кустовые совещания учителей по культурно-массовой работе в колхозах [\[15, л. 32\]](#).

Планы политотделов МТС предполагали насыщенную, активную политмассовую работу [\[15, л. 38\]](#). Так, в политотделе МТС с. Голуметь 17 апреля 1934 г. на кустовом совещании собрались председатели колхозов, сельсоветов, красных уголков, заведующих школами, «избачи» – всего 40 человек. Общее собрание заслушало все достижения и просчеты в местной сельской работе накануне 1 мая. Примечательно, что протокол отражает достаточно объективное обсуждение текущих вопросов: в документе не встречаются обвинения, лозунги и агитации, характерные для большинства источников советского времени [\[15, л. 55-59\]](#). Таким образом, политотделы не только боролись с крестьянским недовольством, но и осуществляли общий контроль сельскохозяйственной сферы. В некотором роде, политотделы обладали интеграционными функциями в деревне, объединяя различные органы и организации.

Политотдел Худо-Еланской МТС в августе 1934 г. критикует дисциплину в колхозах, сообщая факты опозданий колхозников на работу, невыполнение ими дневных норм и в целом слабой дисциплине. Негативно работники политотдела относятся к уравнительному принципу выдачи продуктов колхозникам: объем продуктов, по их мнению, должен соответствовать проделанной работе [\[16, л. 4-5, 16\]](#).

Под руководством политотделов создавалась сеть производственных партийных ячеек и кандидатских групп, коммунисты отправлялись в качестве парторгов в колхозные бригады [\[17, С. 304, 305\]](#). Для усовершенствования работы колхозов применялось прикрепление к ним работников политотдела [\[18, л. 6\]](#). Политотдел контролировал работу председателей, направлял им письма и приказы для проработки, объявлял выговоры [\[18, л. 8\]](#), занимался кадровыми вопросами, указывал на недочеты в работе [\[18, л. 10\]](#). Хозяйственными функциями политотделов были установление порядка уборки урожая, контроль за количеством и качеством уборки хлеба, агротехнические приемы вплоть до удобрения почвы [\[18, л. 16-17\]](#), общая организация колхозных работ [\[18, л. 14\]](#).

Недостатки колхозной системы остро ощущались крестьянами. Недовольства государственной политикой в сельском хозяйстве Приангарья прослеживаются в высказываниях крестьян: «Сдельщина вытягивает из мужика последние соки», «Мы шли в колхоз не для того, чтобы работать как волы, а нас хотят в этих волов превратить», «Колхозы – это кабала России. Колхозами теперь начали Сибирь покорять», «Долой совхозы и колхозы. Да здравствует советская власть без колхозов!» [\[19, л. 102\]](#).

В Зиминском районе были распространены листовки, в которых авторы выступают против колхозов и в пользу единоличного сектора (орфография, пунктуация и стиль документа сохранены): «Дорогие товарищи коммунисты и наши управители. Соввласти не пора ли не опомниться вам и не пора ли бросить вам сучать рабочих и крестьян и издеваться над ними. Дорогие товарищи не пора ли свергнуть этих зажимателей. А дорогие товарищи рабочие не довольно ли нам терпеть такие муки и такие терзанья рабочих и крестьян. Долой агитаторов за колхозы и разные контрактации и коммуны. Да здравствует свободное крестьянство и повышение сельского хозяйства через свободное

единоличное хозяйство» [\[20, л. 137\]](#).

В Жигаловском районе неизвестными было расклеено объявление следующего содержания (орфография, пунктуация и стиль документа сохранены): «Тов. Середняки, бедняки, батраки, а также остальные граждане. Не ходите в колхозы – там худо будет, но если кто зайдет в колхоз – тот проститься своей жизнью – скоро конец придет коммунистам, советская власть разойдется как дым в воздухе, скоро граждане вы освободитесь от ига и скоро загорится знамя войны. От французского генерала зам. Д. Армер» [\[21, л. 89\]](#).

В начале 1930-х гг. недовольства крестьян реализацией государственной политики проявляются не только в форме высказываний, листовок и объявлений, но также в виде активных, в том числе, противоправных, действий. Наблюдались случаи поджогов, порчи колхозного имущества, покушения и убийства на представителей колхозного и партийного актива [\[21, л. 201\]](#). В Восточной Сибири по статистике 26-ти политотделов МТС в конце 1933 г. было 20 актов крестьянского недовольства в 1934 г. – 41 акт, в 1935 – 51 [\[22, с. 248\]](#).

Переходя к выводам, стоит отметить, что колхозы и политотделы МТС в первой половине 1930-х гг., были ключевыми проводниками государственной политики в деревне. Колхозы, главным образом, обеспечивали контроль над хозяйственной сферой, основной частью которой была хлебозаготовительная кампания. Выполнение планов хлебозаготовок обеспечивалось строгим контролем над дисциплиной колхозников. Условия труда и в колхозах, и в МТС отходили на второй план. В статье проанализированы особенности доминирования МТС над колхозами. Выявлено место политотделов МТС в социально-политической жизни приангарской деревни. Представлены неопубликованные архивные материалы, иллюстрирующие мнения крестьян относительно коллективизации и колхозной системы. Освещение проблемы исследования особенно актуально в современных условиях, когда возрастает роль сельского хозяйства. Объективное изучение сельскохозяйственной политики советской власти в региональном аспекте позволит наметить пути верных решений в российской аграрной политике.

Библиография

1. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание / Документы и материалы Том 2. М.: РОССПЭН, 2000.
2. Социалистическое строительство СССР. Статистический ежегодник / Москва: ЦУНХУ ГОСПЛАНА СССР - В/О СОЮЗОРГУЧЕТ, 1935.
3. МТС и колхозы в 1936 году. Стат. сборник / Нар. ком. зем. СССР. Учетно-стат. отд. М.: Сельхозгиз, 1937.
4. Степичев И.С. Победа ленинского кооперативного плана в восточно-сибирской деревне / Иркут. гос. пед. ин-т. иностр. яз. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1966.
5. Центр документации новейшей истории – филиал ОГКУ «Государственный архив Иркутской области». Ф.123. Оп. 1. Д. 54.
6. ЦДНИ ОГКУ ГАИО. Ф. 123. Оп. 1. Д. 6.
7. ЦДНИ ОГКУ ГАИО. Ф. 269. Оп. 1. Д. 7.
8. ЦДНИ ОГКУ ГАИО. Ф.123. Оп. 1. Д. 54.
9. ЦДНИ ОГКУ ГАИО. Ф. 123. Оп. 1. Д. 159.
10. ЦДНИ ОГКУ ГАИО. Ф.123. Оп. 1. Д. 168.
11. История коллективизации сельского хозяйства в Восточной Сибири (1927-1937). Документы и материалы / Под. общ. ред. А.П. Косых. Иркутск: Вост-Сиб. Книж. Изд-во.

1979.

12. ЦДНИ ОГКУ ГАИО. Ф. 453. Оп. 1. Д. 5.
13. Общество и власть: 1930-е годы. Повествование в документах / Отв. Ред. А.К. Соколов. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЕН), 1998.
14. Иванцов И.Г. Чрезвычайные органы ВКП (б) на селе в 1933-1934 гг. // Преподавание истории в школе. 2010. №8. С. 77-79.
15. ЦДНИ ОГКУ ГАИО. Ф. 269. Оп. 1. Д. 7.
16. ЦДНИ ОГКУ ГАИО. Ф. 453. Оп. 1. Д. 5.
17. Крестьянство в Сибири в период строительства социализма (1917-1937) / А. П. Окладников [и др.]. Новосибирск: Наука, 1983.
18. ЦДНИ ОГКУ ГАИО. Ф. 453. Оп. 1. Д. 5.
19. ЦДНИ ОГКУ ГАИО. Ф.123. Оп. 1. Д. 54.
20. ЦДНИ ОГКУ ГАИО. Ф 1. Оп. 1. Д. 380.
21. ЦДНИ ОГКУ ГАИО. Ф. 123. Оп. 1. Д. 26.
22. Гущин Н.Я. Классовая борьба и ликвидация кулачества как класса в Сибирской деревне (1926-1933). Курс лекций. Новосибирск, 1972.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Несмотря на то, что уже тридцать лет отделяют нас от советского периода отечественной истории, сложные вопросы той эпохи по-прежнему остаются предметом внимания не только профессиональных историков, философов, социологов, но и всех, кто интересуется историей нашей страны. Зачастую эти споры приобретают политизированный характер, в связи с чем представляется важным изучение различных аспектов советской истории с подлинно научной точки зрения. Среди подобных тем - сложный процесс колLECTивизации в Советском Союзе.

Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой является государственная политика в колхозах и политотделах МТС приангарской деревни в первой половине 1930 гг.

Автор ставит своими задачами раскрыть перемены в советской деревне с началом колLECTивизации, показать роль колхозов и политотделов МТС в реализации сельскохозяйственной реформы.

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности, методологической базой исследования выступает системный подход, в основе которого находится рассмотрение объекта как целостного комплекса взаимосвязанных элементов. Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: автор стремится охарактеризовать особенности реализации государственной политики в советской деревне на примере Приангарья. Научная новизна заключается также в привлечении архивных материалов.

Рассматривая библиографический список статьи как позитивный момент следует отметить его масштабность и разносторонность: всего список литературы включает в себя свыше 20 различных источников и исследований. Источниковая база статьи представлена прежде всего документами из фондов Государственного архива Иркутской области, а также опубликованными документами и статистическими материалами. Из привлекаемых исследований укажем на труды Н.Я. Гущина, И.Г. Иванцова, И.С. Степичева, в центре внимания которых различные аспекты изучения колLECTивизации. Заметим, что библиография обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки

зрения: после прочтения текста статьи читатели могут обратиться к другим материалам по ее теме: в целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем, кто интересуется как историей коллективизации в Советском Союзе, в целом, так и ее региональными аспектами, в частности. Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Структура работы отличается определённой логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что «колхозы с начала 1930 гг. стали основой, на которой строилась социалистическая жизнь, менялась психология людей». Автор обращает внимание на то, что «власти Приангарья контролировали внутренний уклад колхозов административными распоряжениями», рассматривая деятельность политотделов. При этом «хозяйственными функциями политотделов были установление порядка уборки урожая, контроль за количеством и качеством уборки хлеба, агротехнические приемы вплоть до удобрения почвы» и др. В работе показано, что «в начале 1930-х гг. недовольства крестьян реализацией государственной политики проявляются не только в форме высказываний, листовок и объявлений, но также в виде активных, в том числе, противоправных, действий». Так, например, «наблюдались случаи поджогов, порчи колхозного имущества, покушения и убийства на представителей колхозного и партийного актива».

Главным выводом статьи является то, что «объективное изучение сельскохозяйственной политики советской власти в региональном аспекте позволит наметить пути верных решений в российской аграрной политике».

Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, вызовет читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы как в курсах лекций по истории России, так и в различных спецкурсах.

В целом, на наш взгляд, статья может быть рекомендована для публикации в журнале «Genesis: исторические исследования».